

УДК 316.4

**СМЕШАННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ***Л.Р. Низамова***Аннотация**

На примере конкретно-социологического исследования – изучения этнического самосознания и межпоколенных трансмиссий этничности студенческой молодежи – показаны особенности смешанных этнических идентичностей в российском обществе и совместимость усиливающейся этнической миксации и гибридизации с ценностями «демократического мультикультурализма».

Ключевые слова: смешанная этническая идентичность, этничность, этническая миксация, этническая гибридизация, межэтнические браки, мультикультурализм.

Проблема изучения мультикультурализма как идеологии и политики демократического признания меньшинств, особенностей включения в гражданское сообщество современных национальных государств является в России довольно новой и вызывает разноречивые оценки (см. [1–4]). Мультикультурализм в российском обществе имеет как горячих сторонников, так и не менее решительно настроенных оппонентов. К числу преимуществ и позитивных сторон политики культурного плюрализма относятся отказ от ксенофобии, этнических и религиозных предрассудков, шовинизма; воспитание уважения, терпимости и добрых взаимоотношений между группами и секторами общества; защита многообразных меньшинств и устранение практик социального исключения и негативной стереотипизации и многие другие. По признанию большинства отечественных исследователей, эти задачи актуальны для российского общества и требуют своего разрешения. Известно, что в первое десятилетие XXI в. страна столкнулась с небывалым ростом расизма и экстремизма, этнических предрассудков и ксенофобии.

Однако практика реализации политики культурного многообразия за рубежом выявила и уязвимые стороны этой стратегии. Среди ключевых недостатков мультикультурализма его противники называют создание угрозы национальной гармонии и единству; преувеличенную этнизацию социальных отношений и увековечивание культурных различий и границ через их институционализацию; отказ от либерального принципа приоритета прав индивида в пользу коллективных прав и интересов; и наконец, неспособность наряду с этническим плюрализмом признать культурную гибридность и формирование космополитических или смешанных идентичностей. Настоящая статья посвящена рассмотрению последнего аспекта критики многокультуранности.

Проблематика смешанных этнических идентичностей в условиях национальных государств конца XX – начала XXI в. изучена слабо, хотя формирование гибридных этнических идентичностей в обществе высокого (позднего) модерна и глобализации становится все более заметным явлением. Субъекты этнической смешанности, этническая миксация (гибридизация) часто игнорируются (как, например, их не замечает официальная статистика), а если эти явления и рассматриваются, то о них говорят как о чем-то уже состоявшемся и неоспоримом. Пожалуй, чаще всего данная тема поднимается в рамках исследования межэтнических браков и этнически смешанных семей, которые, как кажется, перестали быть по-настоящему интересными научному сообществу. По сравнению с советским периодом число публикаций по этому вопросу заметно сократилось, исследований выходцев из таких семей крайне мало. Тем не менее новые социальные условия, задаваемые растущей мобильностью населения, поликультурностью позднесовременных обществ, разнонаправленностью векторов локализации и глобализации, а также научный контекст начала XXI столетия заметно актуализируют эту тему. Известно, например, что в процессе подготовки переписи населения РФ 2010 г. рассматривалась возможность указания сложных смешанных форм национальности россиян, но в окончательную программу этот пункт все же не был включен.

Формирование многоуровневых и плюралистичных этнокультурных идентичностей осложняется наличием модусов этничности (то есть вариативности конкретной этничности в поле достаточно связной сети социальных отношений), отличающихся от «других» и узнаваемых в своей инаковости. Практика конкретно-социологических исследований убедительно свидетельствует о наличии модусов этничности – о том, например, что можно не знать татарского языка и говорить преимущественно на другом языке (русском, турецком, английском и т. п.), но чувствовать себя татарин(ой), а также участвовать в иных татарских этнических практиках (см. [5]). Можно быть (и признаваться другими) русским при этнически смешанном происхождении, не являясь при этом православным и проживая постоянно за границами России. Действительно, субстантивистская и эссенциалистская методологии, лежащие в основе фрагментарного (мозаичного) мультикультурализма, не позволяют должным образом отразить неизбежные в условиях индустриального общества и текущей глобализации процессы изменения этнических границ, этнокультурного смешения и слияния (см. [6]).

В настоящей статье предпринимается попытка ответить на ряд связанных между собой вопросов:

- может ли рефлексивный «демократический мультикультурализм» исправить вышеназванный дефект политики культурного многообразия?
- ложились ли в современной России массовые и устойчивые смешанные этнические идентичности?
- если сложились, то каковы их особенности? Если не сложились, то по какой причине?

Аналитические выводы и заключения строятся на материалах исследования отдельного и вместе с тем типичного случая – кейс-стади (case study) этнического самосознания и межпоколенных трансмиссий этничности студентов

(в данном случае – студентов Казанского университета). Полевой этап был проведен в феврале – марте 2009 г. с помощью массового анкетного опроса, в котором приняли участие 1500 студентов дневного отделения университета по репрезентативной квотной выборке. Из их числа по объективному критерию этничности предков представителями смешанного происхождения оказались 474 человека (31.6% от общей выборки в 1500 человек). Это значит, что названная респондентом этничность представителей двух старших поколений в семье (бабушек, дедушек, матери, отца) не одна и та же. Степень смешения могла быть разной: от соотношения 50% на 50% двух этнических культур до присутствия 25% другой этнической группы или смешения четырех и более разных этнических групп (татары, русские, чувашы, украинцы, марийцы, евреи, крымчане, армяне и др.). Преобладающими тем не менее стали случаи русско-татарского смешения.

Выбор данной группы респондентов как типичной и показательной объясняется следующим.

1. Город Казань – это столица бикультурной территории, где веками сосуществуют и взаимодействуют не только татарская и русская культуры, мусульманская и православная религии, но и некоторые другие. Наибольший интерес представляет изучение этнического смешения разнородных славянских и тюркских народов, а не близких с точки зрения этнической дистанции русского и украинского, татарского и башкирского народов (тем не менее в выборку попали и такие случаи).

2. Казань – город с численностью населения более миллиона человек, а городская социально гетерогенная территория является местом интенсивного взаимодействия людей и «перемешивания» человеческих судеб.

3. Студенчество – это вступающее во взрослую жизнь новое поколение молодежи, среди которого есть носители смешанной этнической идентичности. Это повзрослевшие дети от этнически смешанных браков, о которых довольно много писали в советскую эпоху. В современной студенческой аудитории численно преобладают жители крупных городов.

4. По оценке российских ученых, люди с высоким уровнем образования и культурного капитала более открыты и непредвзяты при выборе брачного партнера [7, с. 253]. Студенты ведущего классического университета столицы Татарстана являются выходцами из семей с относительно высоким социальным, культурным, а также экономическим капиталами.

Однако определение этнически смешанной идентичности по объективному формальному критерию несовпадения этничности предков двух старших поколений не является достаточным, поэтому респондентам предоставлялась возможность самим определиться с национальностью и решить, является ли их происхождение смешанным. Их просили заполнить дополнительную часть анкеты, адресованную респондентам, имеющим этнически смешанное происхождение. Эту часть заполнил 381 человек (25.4% от общей выборки в 1500 человек, или 80.4% от числа студентов, объективно имеющих смешанное происхождение).

Наличие устойчивой гибридной идентичности проверялось с помощью вопроса «Вы считаете или не считаете себя представителем одновременно двух (нескольких) этнических культур?». Это уточнение сокращало долю представителей

Табл. 1

Распределение ответов на вопрос «Вы считаете или не считаете себя представителем одновременно двух (нескольких) этнических культур?» в выборке респондентов, имеющих этнически смешанное происхождение

Варианты ответов	Количество ответов	Доля (в %)
Да, считаю	174	36.7
Нет, не считаю	144	30.4
Затрудняюсь ответить	49	10.3
Нет ответа	107	22.6
Всего	474	100.0

Табл. 2

Распределение ответов на вопрос «Вы испытываете или не испытываете затруднение с определением своей этничности (национальности)?» в выборке респондентов, имеющих этнически смешанное происхождение

Варианты ответов	Количество ответов	Доля (в %)
Да, испытываю	48	10.1
Скорее испытываю, чем нет	52	11.0
Скорее не испытываю, чем испытываю	67	14.1
Нет, не испытываю	203	42.8
Затрудняюсь ответить	10	2.1
Нет ответа	94	19.8
Всего	474	100

смешанной идентичности до 174 человек, ответивших утвердительно (11.6% от общей выборки, или 36.7% от выборки студентов смешанного происхождения), 49 респондентов (3.3% от общей выборки) затруднились с ответом (табл. 1).

Тот факт, что не все респонденты, объективно имеющие этнически смешанное происхождение, считают это существенным и проблемным, подтверждается распределением ответов на вопрос «Вы испытываете или не испытываете затруднение с определением своей этничности (национальности)?». Утвердительно с различной степенью уверенности ответили 100 респондентов (6.7% от общей выборки, или 21.1% от смешанной выборки), а большинство – 270 человек (57% от смешанной выборки) – более или менее уверенно отрицали наличие затруднений (табл. 2).

Исследовательская анкета была построена таким образом, чтобы не актуализировать проблематику этнического смешения. Она начиналась с формальной паспортной – привычных вопросов о поле, возрасте, национальности и т. п. Примечательно, что 5.3% студентов смешанной выборки не дали никакой информации о своей национальности, проигнорировав вопрос или затруднившись ответить, а 13.3% указали смешанную национальность (нередко с написанием через дефис или косую черту): «мультинациональная» (при смешанном мордовско-татарском происхождении); «многонациональный, в анкетах пишу “татарин”»; «русская-украинка», «азербайджанка-русская», «русский-украинец-поляк-татарин», «татарус» и прочие. В сумме это составляет 5.9% от общей выборки и 18.5% от смешанной выборки.

Табл. 3

Распределение ответов на вопрос «Ваша национальность (этничность)» в выборке респондентов, имеющих этнически смешанное происхождение

Варианты ответов	Количество ответов	Доля (в %)
Русский (-ая)	229	48.3
Татарин (-ка)	129	27.2
Смешанная русско-татарская*	45	9.5
Смешанные другие	18	3.8
Другая	15	3.2
Украинец (-ка)	5	1.1
Еврей (-ка)	4	0.8
Чуваш (-ка)	3	0.6
Башкир (-ка)	1	0.2
Нет ответа	25	5.3
Всего	474	100.0

* Сюда включены также 5 случаев (1.1%) смешения трех национальностей: русской, татарской и другой.

Большинство респондентов смешанного происхождения по сложившейся отечественной традиции сумели *выбрать* национальность (табл. 3). 48.3% респондентов идентифицировали себя как «русские», значительную по численности группу составили «татары» – титульная для региона национальность (27.2%). Доля остальных групп была очень невелика. Третье место по численности занимает «смешанная русско-татарская национальность» (9.5%). В целом представителей смешанной этничности насчитывается более 13% – это данные, которые уже невозможно игнорировать.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что практики *выбора* этничности в соответствии с официальными классификациями и устоявшимися политико-административными категориями весьма глубоко укоренены в сознании людей, несмотря на политику деинституционализации этничности в нашей стране в последнее десятилетие.

Информация об этнической принадлежности родителей позволяла выявить основные факторы выбора национальности (этничности) респондентами смешанного происхождения. Они были очень разными и могли накладываться друг на друга.

1. «Моноэтничность» родителей (24.5%), то есть в свое время родители сделали выбор в пользу одной этничности, несмотря на присутствие «другой крови»; это значит, что для внука, например, 25% иной «крови» тем более не имеют существенного значения.

2. Патриархальная традиция определения этнической идентичности ребенка по идентичности отца (27.6%).

3. Примечательно, что значение патрилинейности уже не является довлеющим. Довольно часто респонденты выбирают этничность матери (24.4%), прежде всего по двум основным причинам:

– выбор этничности матери – это выбор идентичности большинства и доминирующей русской культуры. Так, по данным кейс-стади, русскую идентичность при русском отце выбрали 17.6%, а при русской матери аналогичный показатель – 17.6%;

– выбор этничности матери по семейным обстоятельствам – дети воспитывались матерью и в ее семье (их отцы рано умерли или не участвовали в воспитании детей).

Немаловажным является и традиционное определение еврейской национальности по материнской линии (0.6%).

4. Выбор титульной идентичности (русской идентичности как общенациональной или татарской как титульной региональной). Некоторые не вполне обоснованные случаи выбора доминирующей титульной идентичности составили незначительную долю – 3.3% (например, при объективно белорусско-татарском происхождении респондент считает себя русским).

Известно, что в паспортах граждан РФ графа «национальность» отсутствует, однако в целях статистической оценки состава населения в ряде исследований она все же применяется. При проведении нашего опроса респондентам был задан следующий вопрос: «В официальных документах (например, переписях населения и некоторых анкетах) обычно предлагается отнести себя к одной из этнических групп; отсутствуют графы смешанной (например, двойной) этничности (национальности). Как Вы считаете, нужно или не нужно предоставлять возможность указания двойной этничности (национальности) людям смешанного происхождения?».

Необходимо отметить, что взгляды участников опроса разделились: преобладает мнение о необходимости предоставить гражданам такую возможность (почти 41% от смешанной выборки). Им возражают более 25.3% участников анкетирования, а почти 14% затруднились с ответом. Как же респонденты аргументировали свои ответы?

Сторонники включения графы «смешанная этничность» чаще всего отмечали, что есть люди, относящие себя к двум и более национальностям, что важно избежать затруднений при определении национальности и самоидентификации. Кроме того, подчеркивалось, что у каждого должны быть формальное право и реальная свобода такого выбора; указывалась значимость корректности и полноты социальной информации, ведения точного учета населения страны.

Противники нововведений объясняли свою позицию тем, что человек обычно самоопределяется, делает выбор и в большей степени относит себя к одной из национальностей. Другая часть опрошенных уверенно заявила, что национальность «не имеет значения и не обязательна»; ее не надо указывать, а графа «национальность» в официальных документах не нужна.

Нередко при осуществлении каких-либо преобразований на современном этапе развития российского общества полезным оказывается обращение к зарубежному опыту. Немалый интерес сегодня представляет изучение практики переписей населения США, в частности анализ применяемых категорий статистического учета. В 2000 г. в США были внесены изменения в стандарт расового и этнического учета; впервые у граждан появилась возможность отметить не одну, а несколько рас, чтобы обозначить свою расовую идентичность. Стало возможным выбрать из 57 комбинаций основных 6 расовых групп США (см. [8]): 1) белые; 2) чернокожие, или афроамериканцы; 3) американские индейцы и коренное население Аляски; 4) американцы азиатского происхождения; 5) коренные гавайцы и выходцы с тихоокеанских островов; 6) другая раса – категория, которая

была призвана учесть мулатов, креольское население и метисов. Испаноязычные народы, или латиноамериканцы, учитывались как этничность, что позволяло участникам переписи выбрать одну из вышеназванных рас.

Доля респондентов, отметивших две расы или более, варьировалась в разных штатах: Вашингтон – 3.6%; Нью-Йорк – 3.1%; Калифорния – 4.7%; в среднем по США – 2.4%. Интересны данные по категории «другая раса»: Вашингтон – 3.9%; Нью-Йорк – 7.1%; Калифорния – 16.8%; в среднем по США – 5.5%.

По численности представители смешанных расовых групп уступают белым и афроамериканцам, но явно превосходят индейцев и приближаются к американцам азиатского происхождения. Американский опыт учета культурного многообразия весьма интересен (например, стоит обратить внимание на использование разных языков в практике статистического учета; известно, что пятым по счету официальным языком переписи 2010 г. стал русский язык), однако не может быть механически заимствован. Все всякого сомнения, в России, где проживают представители 183 национальностей, возможные комбинации единиц учета гибридных идентичностей будут исчисляться не десятками, а тысячами, что заметно усиливает позиции тех, кто считает новации в регистрации этнического разнообразия неоправданными и несвоевременными.

Проведенное кейс-стади подтвердило поколенческий рост количества смешанных идентичностей. Если в поколении бабушек/дедушек доля представителей смешанного происхождения колеблется от 1.3% до 2.1%, то в поколении матерей/отцов она увеличивается более чем в 2 раза (в 2.35 раза, то есть до 3.8–4.2%), а в поколении внуков уже составляет 13.3%, что почти в 8 раз больше по сравнению с поколением бабушек/дедушек и более чем в 3 раза превышает количество представителей смешанного происхождения в поколении родителей.

Если к информации об этнической принадлежности представителей поколения бабушек/дедушек стоит относиться с некоторой осторожностью (в силу фактора времени, неполноты или противоречивости информации), то данные относительно роста доли смешанных идентичностей в поколении детей по сравнению с поколением родителей весьма красноречивы. Они в какой-то мере позволяют делать прогноз о дальнейшем росте числа индивидов этнически смешанного происхождения. Тем не менее в этом случае придется сделать поправку на действие макросоциальных (этническая политика в стране и регионе, состояние межэтнических отношений) и микросоциальных (например, семейные обстоятельства) факторов, нивелирующих значение смешанной идентичности.

Характерными особенностями смешанной этнической идентичности, по данным проведенного кейс-стади, являются:

- относительное уменьшение субъективной значимости этничности в жизни человека. Такой вывод подтверждают ответы на вопрос о роли национальности (этничности) в жизни человека: так, респонденты, имеющие этнически смешанное происхождение, гораздо чаще выбирали варианты «играет незначительную роль» и «не играет никакой роли». Кроме того, этнонигилизм прослеживается в ответах «национальности не имеют значения»; «это лишь формальное обозначение»; «мне неприятны данные темы»; «не считаю, что надо об этом задумываться вообще!»;

– относительное уменьшение субъективной значимости религии и религиозной веры в жизни человека. В ответах на вопрос о роли религиозной веры и религии в жизни в смешанной выборке преобладают ответы «незначительная роль» и «не играет никакой роли» (50% смешанной выборки, тогда как в общей выборке количество таких ответов ниже 40%); «важную» и «довольно заметную роль» отметили 43% (в общей выборке эта доля заметно выше – 55%);

– значительно большая, чем в среднем по выборке, русскоязычность и меньшая распространенность двуязычия; выявлена минимальная практика использования других языков, например татарского. В целом в значительном числе случаев можно говорить о доминировании мировоззрения русского человека при объективно смешанном происхождении.

Социально-психологический портрет людей, имеющих смешанное происхождение, противоречив, что, видимо, является следствием одновременно позитивной и негативной оценки их социумом. При ответе на вопрос «На Ваш взгляд, принадлежность одновременно к двум (нескольким) этническим культурам дает или не дает человеку какие-либо преимущества в обществе?» мнения респондентов разделились приблизительно поровну. Среди преимуществ человека со смешанной идентичностью были названы:

– знание и понимание нескольких культур (особенно языков, истории, традиций); равноправное представительство культур: «Я могу находиться в двух этнических группах»;

– умение находить общий язык с представителями разных национальностей; лучшие адаптивные способности человека: смешанная идентичность «дает возможность лавировать между этническими группами»; «стирает границы в общении»; человек чувствует себя «своим среди многих групп»;

– широкие кругозор и взгляды на жизнь; толерантность; богатство и разнообразность личности.

Среди негативных и создающих проблемы особенностей человека со смешанной идентичностью отмечена внутренняя рассогласованность. Респонденты указывают на то, что «трудно понять себя», есть «чувство неудовлетворенности»; признают: «я не знаю, кто я!». Среди иных проблем выделены:

– дискомфорт и неудовлетворенность от невозможности этнического самоопределения и отнесения себя к конкретной национальности и культуре: угроза быть чужим для обеих культур («внутри достаточно сложно»; «между двух огней»; «получается эффект “серединка на половинку”»);

– проблемы, возникающие из-за религиозных различий и необходимости выбора религии: «кому-то хочется сделать выбор религии, а не может»;

– существующие в обществе этнические предрассудки, рост национализма и нацизма; неприятие отдельными людьми и социальными группами этнически смешанных браков;

Реже упоминаются внутрисемейные разногласия и ссоры, желание родителей «перетянуть» на свою сторону; проблемы с родственниками.

Однако в целом лишь 13.9% респондентов смешанного происхождения уверенно полагают, что принадлежность одновременно к двум (нескольким) этническим культурам создает проблемы.

В заключение можно сделать вывод, что смешанные этнические идентичности в российском обществе сложились, но не являются массовыми и устойчивыми. По материалам данного исследования, они составляют не более 4–6% от общей выборки величиной в 1500 респондентов, или 18.5% от числа студентов, объективно имеющих смешанное происхождение. С одной стороны, наблюдается поколенческий рост доли индивидов этнически смешанного происхождения, что несколько не удивительно в условиях индустриального общества, урбанизации и современных коммуникаций. Уже в данном исследовании зафиксированы не только случаи смешения представителей различных российских этнических групп, но и наличие выходцев из международных семей. С другой стороны, действуют и факторы нивелирования социального значения и субъективной значимости идентичности гибридного происхождения.

К макросоциальным факторам такого рода можно отнести, во-первых, характер этнической политики в стране и регионах. В настоящий период в России доминирует ориентация на политику ассимиляции как условие формирования единой общероссийской гражданской идентичности. Она проводится в большинстве субъектов федерации, за исключением тех, в которых среди региональных элит сильны стремления к автономии и самостоятельности. Нельзя недооценивать фактор роста русского национализма, с одной стороны, и национализма титульных национальностей в регионах РФ, с другой. В то же время следует отметить и положительные эффекты политики ассимиляции и неприятия социального исключения «других». Политическая программа включения носителей смешанных идентичностей в сообщество российской гражданской нации не позволяет закрепить за ними ярлык «чуждых» и «отличительных», что типично для общества этнической сегрегации и иерархизации. Еще одним макросоциальным фактором является неприятие мультикультурализма как идеологии и политики признания культурного плюрализма и равноправия этнических культур в России. Преобладает негативистская трактовка мультикультурализма как нового варианта национализма и сепаратизма, неизбежно грозящего сецессией. Эффект отторжения культурного плюрализма и прав социально исключенных групп подкрепляется укорененным в российском обществе антидемократическим антиэгалитарным дискурсом. В условиях существования этнических предрассудков и ксенофобии, углубления этносоциальной стратификации общества вряд ли можно ожидать формирования массовых и устойчивых гибридных идентичностей.

Среди микросоциальных факторов, сдерживающих восходящую динамику этнической гибридации, можно выделить:

- особенности семейной социализации в условиях нестабильности семьи и роста числа разводов, отказ одного из родителей (чаще отца) выполнять родительскую роль, воспитание в неполной материнской семье;
- преобладание в повседневной коммуникации русского языка, отсутствие жестких этнических границ и массового этнического исключения в публичной сфере (на работе, в школе, в соседской среде и т. п.) среди этнических групп, издавна проживающих на одной территории;
- смещение фокуса бытовых этнических предрассудков и фобий в сторону новых приезжих и иммигрантов.

Программа реализации мультикультурализма имеет перспективы в российском обществе не потому, что доля носителей гибридных этнокультурных идентичностей пока невелика и ее можно проигнорировать. Возможности будущего заложены в потенциале вариативности идеологии и политики многокультурности и одновременной приверженности демократическим ценностям. Проблема признания гибридных идентичностей является препятствием главным образом для мозаичного (по определению С. Бенхабиб), или фрагментарного (по М. Вевьерке), или параллельного (по К. Цюрхеру), или «неистового и разобщающего» (по М. Уолцеру) мультикультурализма (см. [2, 4, 9, 10]). «Под радикальным или мозаичным мультикультурализмом, – поясняет С. Бенхабиб, – я понимаю точку зрения, согласно которой группы людей и культуры представляют собой четко разделенные и идентифицируемые общности, которые сосуществуют друг с другом подобно элементам мозаики, сохраняя жесткие границы» [2, с. 9]. Сегодня такой подход действительно мало устраивает и теоретиков, и практиков, поэтому в качестве альтернативы выдвигается проект интегративной многокультурности.

Представляется, что рефлексивный и критический «демократический мультикультурализм», приняв во внимание справедливую критику, опираясь на присущие ему принципы недискриминации, социального включения исключенных групп в общее согражданство и последовательного поддержания культурного многообразия, сможет более гибко реагировать на вызовы времени и продемонстрирует способность к признанию новых и пока немногочисленных этнокультурных идентичностей, являющихся результатом социальной эволюции последних десятилетий.

Summary

L.R. Nizamova. Mixed Ethnic Identities in a Multicultural Society.

This article shows the peculiarities of mixed ethnic identities in Russian society and the compatibility of the growing ethnic mixing and hybridization with the values of democratic multiculturalism by an empirical sociological research – a study of ethnic self-consciousness of present-day students and intergenerational transmissions of ethnicity in their families.

Key words: mixed ethnic identity, ethnicity, ethnic mixing, ethnic hybridization, interethnic marriages, multiculturalism.

Литература

1. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2002. – 356 с.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
3. Малахов В.С. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. – М.: Модест Колеров и Дом интеллект. кн., 2001. – 176 с.
4. Уолцер М. О терпимости. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. кн., 2000. – 160 с.
5. Низамова Л.Р. Множественные идентичности татарского сообщества г. Нью-Йорка (опыт полевого исследования за рубежом) // Социология. – 2006. – № 1. – С. 165–177.
6. Levy J.T. The Multiculturalism of Fear. – Oxford; N. Y.: Oxford Univ. Press, 2000. – 268 p.

7. *Столярова Г.Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 314 с.
8. U.S. Summary: 2000. Census 2000 Profile. – URL: <http://www.census.gov/prod/2002pubs/c2kprof00-us.pdf>, свободный.
9. *Вевьерка М.* Формирование различий // Социол. исслед. – 2005. – № 8. – С. 13–24.
10. *Цюрхер К.* Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России: некоторые методологические замечания // Полит. исслед. – 1999. – № 6. – С. 105–118.

Поступила в редакцию
22.12.11

Низамова Лилия Равильевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: *Lilia.Nizamova@ksu.ru*